

УДК 94(470.41)+321

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА (1440-е – 1552 гг.)*

А.Г. Бахтин, доктор исторических наук (Йошкар-Ола);

Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук

Над Казанским ханством, хотя и в несколько смягченной форме, вновь был восстановлен российский протекторат. При Джан-Али постоянно находились русские советники, в городе размещался отряд русских воинов. Внешнюю политику страны поставили под контроль. Хан должен был испрашивать у великого князя разрешение на женитьбу на дочери ногайского мурзы Юсуфа Сююмбике¹. Вооруженные силы ханства обязывались принимать участие в военных мероприятиях России. Зимой 1534 г. казанское войско участвовало в войне с Литвой на стороне России². При нем ханство выплачивало России дань, в посольской книге она именуется «оброком»³.

В то же время Василий III счел возможным проводить более гибкую компромиссную политику и шел на уступки в решении некоторых вопросов. Казанский хан был признан «братом и сыном» великого князя, т.е. формально почти равным с ним. Были освобождены и возвращены на родину казанские пленные. Когда в феврале 1533 г. из Казани поступила просьба оставить там трофейные русские пушки и пищали для защиты от врагов, Василий III согласился и на это⁴.

Джан-Али был неопытным и слабым правителем, и реальная власть находилась в руках князя Булата Ширина и царевны Ковгоршад, сторонников мира с Россией, но выступавших за самостоятельность страны и ограничение русского влияния в ханстве. Существенно изменилась и политическая обстановка в Восточной Европе. Женитьба Джан-Али на Сююмбике усилила ногайское влияние в Казани. В 1532 г. в Крыму лояльный к Москве хан Саадет-Гирей был смещен и заменен ее ярым противником Сахиб-Гиреем (1533–1550), который считал Казань своим юртом и готов был помочь племяннику Сафа-Гирею, прибежавшему в Крым, вернуть ханский трон. Сафа-Гирей писал Василию III: «Мне тебя воевати не перестати и тебе мстити хочу, и где будет твой недруг, и яз с ним соединачуся»⁵.

3 декабря 1533 г. скончался Василий III. Великим князем стал трехлетний Иван IV (1533–1584), впоследствии получивший прозвище Грозный. Малолетством великого князя воспользовались бояре, начавшие между собой борьбу за власть. В период боярского правления Россия ослабела и утратила многие внешнеполитические позиции. К тому же начало очередной русско-литовской войны отвлекло вни-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2014. – № 1, № 2, № 3.

мание правительства и воинские силы на запад. Этим воспользовались сторонники восточной партии в Казани.

В сентябре 1533 г. произошло значительное нападение черемисов во главе с Сеитом на Узольскую волость Балахнинского уезда. Из сотной грамоты, сообщающей об этом, следует, что черемисские набеги являлись обычными в Заволжье в эти годы⁶. Летом 1534 г. казанцы совершили нападения на Вятку. Русское правительство в связи с этим подтвердило грамоту вятчанам от 1522 г., предписывающую проживавшим в Вятской земле татарам, удмуртам и чувашам вместе с русскими участвовать в отражении казанских набегов⁷. Галицкий летописец содержит известие о набеге осенью татар и черемисов⁸. Разрядная книга сообщает о том, что в Галиче в это время стояли воеводы Ю.И.Темкин-Ростовский и Д.И.Курлятев. «И тогда у них было дело на Унже с козанскими людьми»⁹. Зимой 1534/35 года «приходили многие казанские люди к Нижнему Новгороду и Новгородские места многие пусты учиниша... полону без числа много поимали, жен и детей боярских да и черных людей с женами и з детми многих поимали», – записал летописец¹⁰.

Джан-Али, не обладая реальной властью, не мог прекратить самовольные набеги, а, возможно, и не хотел. За его спиной велись тайные переговоры с Сафа-Гиреем. Однако и крымское засилье не устраивало казанское правительство, поэтому новое приглашение Сафа-Гирея на ханство, очевидно, было оговорено какими-то условиями. Ослабление Русского государства внушало казанской аристократии надежду на избавление ханства от вассальной зависимости.

25 сентября 1535 г. в Иски-Казани Джан-Али был зарезан спящим, «с ним же убиша воеводу его, московс-

каго, воздержателя царева, и вся воя их»¹¹. Вскоре в столицу ханства возвратился Сафа-Гирей (1535–1546). Сююмбике стала его младшей женой. Очевидно, это было одним из условий воцарения, иначе можно было ожидать нежелательных осложнений с Ногайской Ордой.

Не всем в Казани пришелся по душе переворот. В октябре 1535 г. князя Шабаз и Шабалат Япончины, братья Карамыш и Евлуш Хасрулловы и «с ними князей и мырз и казаков 60 человек» вступили в переговоры с касимовскими татарами, охранявшими границу. Казанцы просили передать русскому государю их просьбу о направлении к ним на ханствование Шах-Али, обещали оказать содействие в занятии престола, уверяли, что их «в заговоре казанцов князей и мырз с пятьсот человек»¹². Однако бояре, увлеченные внутренней борьбой, не откликнулись на обращение оппозиционных казанских феодалов. Помешала этому и начавшаяся в сентябре очередная война с Литвой¹³.

После возвращения на ханство Сафа-Гирей и не думал в чем-то ограничивать свою власть. Сразу же он мобилизовал казанцев на войну с Россией. Уже 8 октября 1535 г. «приходили татарове и черемиса на Унжу, да на Шишкилево, да на пустыню на Болшую, да на Чюхлому, да на Глазуну, да к Галичю городу с волостями, да в Галиче половину посада сожгли, а другие отняли, да оттуду посла сила на двое в землю пошли на селца митрополии, а стояла матица близко Усоля на Пупчеве да на Дорку на Достофееве, а воевали Кургу, да Чермагсму, да Романцов, да Залесье, да Чюдцу, да Жилино, да два Березовца, да Холм Шареев, да Слуду, да Лосево Рамение, да Жохово, да Турдеево, да вывоевали волости около Галича»¹⁴.

В декабре на Казань послали войско во главе с воеводами Семеном

Гундоровым и Василием Замыцким. Воеводы вышли к пограничной реке Суре и наткнулись на оставленную направляющимся в набег казанским войском сакму (следы). Стало ясно, что татары идут на нижегородские места. Воеводы повели себя мало-душно, они «на татар не поворотили, ни казанских улусов не пошли воевать, ни великому князю с вестью вскоре не послали, но возвратились в Мещеру». Ночью 24 декабря татары «безвестно» появились под Нижним Новгородом и обрушились на спящих людей. Они сожгли посад и несколько недель грабили близлежащие волости и «беглых людей на Волге много посекали». Лишь после уничтожения 50 татарских загонщиков казанцы начали отступление. Воеводы стали преследовать отступающих. К вечеру они смогли догнать казанцев вблизи Лыскова острова на Волге. Однако в наступившей темноте татарам все-таки удалось ускользнуть от погони и увести полон¹⁵.

6 января 1536 г. казанцы неожиданно напали на Балахну. Силы у татар были значительными, по утверждению разрядной книги, во главе их стоял сам хан. В Балахне, напротив, находился лишь небольшой гарнизон. Однако воеводой там был боярин И.В.Хабар-Симский. Он сумел организовать горожан и вместе с ними вышел навстречу татарам. Но на этот раз военное счастье изменило знаменитому полководцу, смелости и полководческого таланта для победы оказалось недостаточно. Более искусные в военном деле и многочисленные казанцы одержали победу. «И бой им с козанским царем был, и Ивана Хобартогда побили, а Иван утек на Болохону в мале силе», – кратко сообщается в разрядной книге. Преследуя отступающих, татары ворвались в посад, сожгли его и «множество христиан побили». Крепость казанцам захва-

тить, однако, не удалось. Лишь только стало известно о приближении русских полков из Нижнего Новгорода, татары «прочь пошли с полоном со многим»¹⁶.

В ту же зиму «приходили татарове казаньские и черемиса, многие люди, в Коряково». На этот раз воеводы С.Д.Сабуров и И.С.Карпов «татар и черемису многих побили, а иных живых переимали и к великому князю на Москву прислали; и князь великий велел тех татар на Москве казнити»¹⁷.

30 июля большой отряд казанцев вторгся в костромские и галицкие места. Русские воеводы, не дожидаясь подкреплений, вышли навстречу им. Битва произошла на реке Куся и завершилась поражением русских. Казанцы князей П.В.Засекина-Пестрого и Меншика Полева «убили, и многих детей боярских побили». Только приближение значительных русских сил вынудило татар отступить¹⁸.

Русское правительство пыталось скрыть истинные масштабы казанских вторжений. Отъезжающему в феврале 1536 г. в Литву послу Якову Снозину был дан наказ отвечать на вопрос о войне с казанцами так: «Государя нашего земля сошлася с казанскою землею, мордва и черемиса; и черемиса с мордвою с рубежа промеж себя бранят и грабятся: великого князя мордва у них возмут, а черемиса у мордвы емлют, а больших войн не бывало, государь наш на казанские места воевод своих не посылавал, а казанцы на великого князя землю не прихаживали»¹⁹. А посол Иван Тарасов должен был объяснить, что хана Джан-Али убили лихие и съезжие люди и что они же пригласили в Казань Сафа-Гирея. Послу необходимо было уверить литовцев в том, что Сафа-Гирей «царь прислал ко государю, чтоб его государь в Казани держал в своем имени, а князи и все люди казанские также присылают ко государю, чтоб

им государь опалу отдал, а царя бы у них того не заимал. А и неодинова казанцы так делают: зиме подурют, а к весне бьют челом: и государь лихих казнит, а добрых жалует»²⁰. Впоследствии, до 1542 г., такой же наказ постоянно давался всем направляемым в Литву и Крым дипломатам²¹. С 1538 г., когда скрывать истинные масштабы конфликта стало уже невозможно, в наказы добавили уточнение, что на русские земли «казанцы большим делом не прихаживали»²².

Зимой 1536/37 года сам Сафа-Гирей, по образному выражению летописца, «якоже змий вынырнув из хвастия», подошел к Мурому, сжег посад и начал штурм города. Муромцы стойко оборонялись, метко стреляя из пушек и производя удачные вылазки. Через три дня, узнав о приближении русских войск, хан снял осаду и отступил²³.

Той же зимой казанцы предпринимали набеги и в северные русские волости, на костромские и галицкие места, «волости и села многие воевали и полону много бесчисленно имали, и галичские места пусты учиниша»²⁴.

В 1537 г. казанский хан «приходил вновь под Муром и посады около города пожег, а при том пошел к Нижнему Новугороду, и стоя три дни, нижегородцы с татарами бились от третьяго до девятого часа и татарами верхний посад выжгли, и сгорело 200 дворов», – сообщает летописец²⁵. Мазуринский летописец добавляет, что татарами понесли значительные потери убитыми и ранеными, после чего «поиде царь в Казань мимо Новогород Нижний со срамом великим»²⁶.

Зимой 1537/38 года «ходиша татарове по московским городом, в Костромщины, и в Муромщины, и в Галич, и в Вологде, и монастыри честные многи пограбиша и пожгоша, и боярынь, и дочерей боярских, и житых людей, и жен младых, и отроков пове-

доша во свою землю в бесерменскую веру»²⁷. Подверглась нападению и Нижегородская земля. Большая татарская рать добралась даже до отдаленной реки Комелы на Вологодчине²⁸. О разорении вологодских волостей татарами и черемисами имеются известия в агиографической литературе. Многие монастыри были разорены, а монахи вынуждены спасаться в дальних лесах²⁹. Опустошая русские волости, казанцы не дошли до Вологды всего 6 верст и «собра полон безчисленно отоидоша прочь». Везде казанцам сопутствовал успех. Только близ Костромы русские смогли разбить татар «полон великого князя отполониша весь»³⁰.

Русское государство сосредоточило на восточных границах войска³¹. 9 сентября 1537 г. состоялось заседание Боярской думы. Решено было весной направить на Казань судовую и конную рати. Но задуманный поход так и не состоялся. В разрядной книге по этому поводу имеется такая запись: «И тот поход х Козани не был, потому что царь козанской – Сафа-Кирей прислал к великому князю своево чело века Усеина о миру»³². Не исключено, что в Казань поступило известие о подготовке похода.

Немаловажную роль в предотвращении русского вторжения сыграла позиция крымского хана. 24 ноября через своего посланника Дербыш-Алея он передал в Москву грамоту, в которой писал о том, чтобы «князь бы великы помирился нас для с Сафа-Киреем царевичем, что он на Казани»³³. «Казанская земля мой юрт, – писал Сахиб-Гирей, – а Сафа-Гирей царь брат мне. И после бы еси сего дня войны на казанскую землю не чинил, также и недружбу делая, рати своей не посылал бы еси, как было в предние времена, послов своих и гостей посылал бы еси. Межи бы вас доброй мир был. А как до тебя сей наш ярлык дой-

дет, а ты на него войною пойдешь, а после сего нашего ярлыка речем между собою миру не учините, и милосердного бога милостью меня на Москве смотри. А не помысли себе того, что с одними татараы буду. Оприч тех, которые в наших полях татарские рати, а опроч пушечного и пищального наряду, счастливаго хандыкерыя вселенского величества конную рать и янычен холопов взяв, иду. И дружба и недружба от кого придет, толды уведашь... куны и поминки пошлешь к нам, а с Казанью не помиришься, и ты не посылай. Також с казанским юртом помиришься, и ты посылай, занже кто ему друг, тот и мне друг, а кто ему недруг, тот и мне недруг, так бы еси ведал... Казань мой стол, земля моя. А учнешь ее воевати и ты мне друг ли будешь? И только доброво миру с ним не учинишь, и ты бы себе некоторого иного мнения в мысли не держал, милосердного бога милостью на Москве нас смотри... И только что в ярлыке писаны которые речи, и ты их не примешь, и ты худ будешь, и недруг твой над тобою будет. Никакой в мысли хитроси не держи, а опосле в думе не будет помочи. Нечто по первому реку Оку хребет себе хочешь держати. И ты на воду не надейся, Оки реки тебе не покажу. И ты б ранее себе прямо помыслил про свое дело, а не помысли себе того, что как Магмет-Кирей приходил. Боле того со мною будет силы и рати и мочи, так бы еси ведал. Оприч мое братии будет со мною сто тысяч турской рати да пять тысяч янычен, так бы еси ведал»³⁴. Сахиб-Гирей, таким образом, призывал Москву признать правомерность занятия Сафа-Гиреем ханского престола в Казани и грозил вторжением, в случае отклонения его условий, крымско-турецкого войска. Приказные дьяки с достоинством отвечали Дербыш-Алею: «Ведает царь и сам, что как пришел Сафа-Гирей царь на Казань,

и он какие государю нашему недружбы поделал. И государю нашему чего дея в Казань к Сафа-Гирей царю посылати. А пришлет Сафа-Гирей царь ко государю нашему, а захочет со государем нашим миру и государь наш с ним миру хочет как пригоже»³⁵. Этим русское правительство определенно заявляло о том, что в начавшейся войне виноват Сафа-Гирей, и поэтому он и должен первым присылать послов с предложением мира, а Москва готова к таким переговорам.

10 марта 1538 г. начались мирные русско-казанские переговоры. Заинтересованным посредником выступал Крым. Крымские дипломаты оказывали давление на русскую сторону. Сахиб-Гирей писал великому князю: «И в нашем здоровье Казанская земля нам своя земля. И толко той земле учнешь лихо чинити и с нами тебе какой мир, а учнешь ей шод лихо и недружбу чинити и ты так ведай: опричь нашего походу, взяв хандыкереве величество да шод на твою землю и летовати и зимовати понудимся не так как Магмед-Кирей царь шед да воротился, того себе не мысли сколько наши силы лихо чинити потщимся, так бы еси ведал. Сам еси молод, а старые твои знают сколко от отцов и от дядь твоих времен хаживали х Казани да что учинивали. Сколко не идут, и рать свою истомят, опричь убытка людем и кунам иного нет. А которой твой юрт от отца тебе достался, тот у тебя в руках. И бесерменом недружба чинити, что тебе прибудет. И ты б ныне наше слово принял, тому юрту лиха не чинив, гораздо бы еси помирился с ним... А учнешь Казань воевати и ты не помысли себе, что тебе нас кунами утолити. Ни всего света богатства мысли моей от того не утолити, и ты так то ведай»³⁶. Из характера ханских требований вполне очевидно, что Сахиб-Гирей хотел, чтобы великий князь отказался от притязаний на вассалитет

над Казанским ханством, а как раз на этом настаивала русская сторона. Казанцы, видимо, тоже не соглашались на признание выдвигаемых условий. «И казанской царь с государем нашим миру не потому хочет как годно двема государством», – заявлял дьяк Федор Карпов крымскому послу мурзе Сулешу³⁷. Переговоры затянулись. Стало очевидно, что между Крымом и Москвой разворачивается борьба за преобладающее влияние в Казанском ханстве³⁸.

3 апреля при загадочных обстоятельствах умерла мать малолетнего Ивана IV. Современники не без основания полагали, что еще совсем молодая княгиня была отравлена. Проведенные в настоящее время исследования ее останков подтверждают это – в ее волосах обнаружено повышенное содержание ртути³⁹. Смерть регентши вызвала новый виток борьбы между боярскими группировками, приведшей к параличу государственной власти.

За всем происходящим внимательно наблюдали казанские дипломаты. Не желая заключения мира, Сафа-Гирей выдвигал заведомо неприемлемые требования о выплате Москвою дани – «поминоку казанцам». Русские дипломаты с возмущением отвечали: «А в прежних летах того не бывало, чтобы поминки казанскому царю посылывали прежние государи великие князи»⁴⁰. При этом нападения казанцев на русские границы не прекращались и во время мирных переговоров. Дьяк Федор Карпов говорил крымскому послу мурзе Сулешу о том, что как начались переговоры «и после того государя нашего люди его [казанского хана] землям никоторого лиха не чинивали, а его люди казанские государя нашего украинны городом в те два года много лиха учинили»⁴¹.

Осенью 1539 г. Сафа-Гирей прервал мирные переговоры и возобно-

вил вторжения на Русь. Казанский отряд во главе с князем Чюрой Нарыковым 20 сентября захватил Жиланский городок⁴². В ноябре хан вновь подходил к Мурому и опустошил нижегородские земли⁴³.

В феврале – марте 1540 г. тот же Чюра Нарыков с восьмьютысячным войском, в котором были татары, черемисы и чуваша, опустошил костромские места. Русские воеводы смогли догнать казанцев, однако те не только отбились, но и нанесли русским поражение. В бою погибли князья Б.Сисеев и В.Ф.Кожин-Замыцкий⁴⁴.

В декабре возглавленное Сафа-Гиреем войско вновь подошло к Мурому, но на этот раз успех не сопутствовал казанцам. Уже через два дня после начала осады русские предприняли вылазку и нанесли татарам ощутимые потери. Тем временем касимовские татары разгромили промышлявших грабежом ногайцев и освободили много пленных. Узнав о приближении русских войск и касимовцев, Сафа-Гирей снял осаду с Мурома и поспешил возвратиться в Казань, увозя с собой значительный полон⁴⁵.

В том же году «пришедшу на Великую Пермь с ратью тотары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а люди пермские посекали многие»⁴⁶.

В сентябре 1541 г. «приходили казанские татарове к Нижнему Новгороду и убили под посадом нижегородских 36 человек, а иных живых плениша и отидоша паки в Казань», – написано в летописи⁴⁷.

Зимой 1541/42 года произошло вторжение 30-тысячного войска. В его составе, кроме казанцев, находились крымцы и ногайцы. На этот раз Сафа-Гирей разорил муромские волости, вотчины князей Пожарских, половину владимирских волостей, напал на Стародуб и Ряполов. Со зна-

чительным полоном ему и на этот раз беспрепятственно удалось покинуть пределы России⁴⁸.

В 1542 г. 4000 татар и черемисов напали на Вятскую землю, а затем подошли к Устюгу и «повоевали все устюжские волости и городки». В Дымкове ими было сожжено 73 двора и 2 церкви. Награбленной добычи было так много, что они не могли все увезти с собой на лошадях. Решено было возвращаться по рекам на плотах. Погрузив на них всю добычу и пленных, татары и марийцы отплыли восвояси. Однако под Котельничем попали в засаду, устроенную вятчанами. Татары были уничтожены полностью, марийцам же удалось прорваться в лес и уйти на р. Пижму⁴⁹.

В 1543 г. последовал очередной поход Сафа-Гирея против Мурома. Настойчивость казанского хана, вне всякого сомнения, не была случайной. Падение Мурома открывало казанцам путь в центральные области России. Но и на этот раз пришлось ограничиться лишь разорением волостей и уводом в плен жителей⁵⁰.

В 1544 г. произошло нападение казанцев на нижегородские места⁵¹. Зимой 1544/45 гг. «приходили на Володимирские места с казанскими людьми в головах Амонак князь казанской да Чюра Нарыков и воевал Пожарских князей отчину и полону много имали». Посланная за ними погоня догнала татар, однако те смогли отбиться. Неожиданная неудача постигла татар возле Гороховца: «...у острогу с казанскими людьми травилися мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Аманака князя...»⁵².

Сафа-Гирей в борьбе с Русским государством умело использовал не только имеющийся в его руках военный потенциал, но и дипломатию. Он стремился заручиться поддержкой Ногайской Орды, Астрахани, Крыма

и Литвы, координировал с ними свои действия против России. Когда было выгодно, затевал «мирные» переговоры, срывая тем самым готовившиеся ответные походы русских войск на Казань. Когда угроза вторжения исчезала, прерывал переговоры и посылал свои многочисленные отряды на разграбление русских земель. Примечательно, что предложения о мирных переговорах хан делал в конце зимы – начале весны, когда русские готовили свою судовую рать для движения по полой воде. Весьма точная характеристика применяемой Сафа-Гиреем политики в отношении России дана в письме астраханского поэта Ходжи Тархани Шерифи турецкому султану Сулейману II. Он писал, что «в соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми. Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов: быть верным с друзьями и притворно радушным с врагами»⁵³.

Весьма интересны письма Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I Старому⁵⁴. Содержание позволяет датировать их между ноябрем 1542 и декабрем 1545 г. Письма свидетельствуют о непримиримовраждебном отношении хана к России. Сафа-Гирей сообщает своему адресату о том, какие опустошения он причинил русской земле. «Землю московского звоевал и спустошил сам своею головою: зо всим своим войском был и замки есми иншии побрал, а иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской», – пишет хан. Он указывает, что в походах участвовало по 10, 40 и даже 70 тысяч воинов. В некоторых случаях

войска возглавлял он сам, в других ими командовали Козучак (Кошак) улан, Ямурч аталык и Ахмагма улан. Хан пишет о том, что вместе с ним в походах на Русь участвует ногайский мурза Алей с 10000 воинов и 1000 астраханцев, присланных ханом Абдул-Рахманом. Из писем следует, что казанцы и их союзники многократно выжигали город Борсуму (очевидно Муром), опустошили и сожгли Балаханю (Балахну), Касимов, Кострому, подходили к Владимиру. Хан подчеркивает, что его воинство неоднократно проникало далеко за Оку. Не имея четкого представления о разоренных казанцами северных территориях, Сафа-Гирей написал: «И теперь тоя земля та есть пуста... до Студеного моря». Под Студеным морем, хан, очевидно, имел в виду Белое море, но до него казанцы не доходили, хотя не исключено, что татарско-черемисские отряды могли проникать значительно дальше, чем это зафиксировано русскими источниками. Принципиально новые сведения содержит одно из ханских писем о Вятской земле. «И землю есми его взял, – пишет хан, – которую землю его взял у свою мощь, и дань ми теперь с тое земли идет, которая земля есть Нократская, с тое земли предком нашим царем казанским дань хаживала». Хан пишет, что к нему «присылали старшии тое земли Нократской, хотячи... дань давати тую, которую давали предком нашим царем казанским». Очевидно, не получая помощи из центра, вятчане сами не были в состоянии противостоять казанским вторжениям и постарались заключить с Казанью сепаратный договор, соглашаясь на уплату дани и еще на какие-то требования хана.

Достигнув значительных успехов в опустошении России, Сафа-Гирей не думал останавливаться на достигнутом и не отвечал на мирные инициативы русских. «Князь великий московс-

кий, – писал он королю, – присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и жедаючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял».

Практически во всех походах на Русь принимали участие марийцы. Они были смелыми воинами и отличными проводниками и разведчиками. Источники не всегда фиксируют их участие, но под обобщенным наименованием казанцы следует понимать не только татар, но и представителей иных народов ханства и, в первую очередь, марийцев. В Соловецком патерике сохранился интересный рассказ о набегах казанцев в конце 30 – начале 40-х гг. XVI века. Описав причиненные татарами бедствия, автор продолжает: «...по Сухоне даже и до Устьяга протече необузданное их стремление, и неизбежное воинство, черемиса же, с ними везде хождаше» (курсив наш. – А.Б.)⁵⁵. Об участии марийцев в так называемой «малой войне» на границах имеется много сообщений в дипломатических документах Посольского приказа⁵⁶. Казанский летописец сообщает о том, что «черемиса кокшаская и ветлужская живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и войною питаются»⁵⁷. Описывая «казанскую украину», Герберштейн пишет, что «там повсюду бродит и разбойничает народ черемисов» и это стало причиной затруднения сообщений между Галичем и Вяткой⁵⁸. О частых разбойных нападениях черемисов сообщают Адам Олеарий⁵⁹, Петр Петрей и др.⁶⁰ Много аналогичных известий содержится в русских источниках⁶¹. Столкновения с марийцами были обычны для Вятской земли. В повести о Николае Великорецком говорится, что «Вяцкую страну воевали почасту казанские черемиса»⁶². В 1556 г. Дема и Патрикей Челищевы заявляли вятскому наместнику Семену Сукину, что

их семья еще в 1511 г. получила южнее Котельнича на оброк речки и «как деи те речки на оброк взяли Сидорко с товарищи, и в тех реках они рыбы на оброк не лавливали для казанские черемисы войны, и оброку не плачивали»⁶³.

Современники напрямую связывали активизацию казанских набегов с боярской междоусобицей. В Соловецком патерике написано, что в то время, когда умер Василий III и великим князем стал «юный отрок», «вельможам же приемшим время самовластия, много зла сотворися между ими: многи от многих безгодною смертию скончашася. Сия же видевше безбожнии татарове казанцы, яко змии исползше из тины, многи страны Российскаго царства зле уязвиша»⁶⁴. У Казанского летописца об этом написано так: «Всем тогда князем и бояром, и велможам, и судьям градским самовластием живущим, не по правде судящим, по мзде, и насилствуя людем, никогоже блюдущимся, – бе бо князь великий юн, – ни страха божия имущим, и не брегушим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губяху, и велможи крестьян губяху продажею великою»⁶⁵. И хотя Казанский летописец выступает явным апологетом Ивана Грозного, его характеристика сложившейся в годы малолетства великого князя обстановки соответствует действительности. Летописец с горечью восклицал: «...увидев за грех наш нестроение на Москве, и воевали казанцы в те годы по крайнам государя нашего, никым взбраняеми, и много христианства погубиша и грады пусты створиша. А воевали казанцы и грады пусты створили: Новгород Нижний, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, Заволжье, Галичь с всем, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета...»⁶⁶. Другие источники к перечисленным

городам и областям добавляют Владимир, Шую, Юрьевец Вольский, Кострому, Кинешму, Унжу, Касимов, Темников и др.⁶⁷ Позднее, вспоминая об этих тревожных годах, Иван Грозный писал: «От Крыма и от Казани почти половина земли пустовала»⁶⁸. Князь А.М.Курбский в своем знаменитом сочинении «История о великом князе московском» пишет о том, что казанцами все было опустошено даже в 18 милях от Москвы, тогда как все земли за Окой разорялись крымцами и ногайцами⁶⁹.

В повести о житии царя Федора Иоановича говорится о том, что казанцы «многие пакости деюще православным христианом, брани составляюще непрестанно; по все лета воеваху и православнаго христианства кровь, яко речные быстрины, изливаеися мнози же православнии христьяне от нечестивых побиени быша, ови же в плен отведени и различные муки претерпеша»⁷⁰.

Наиболее полную и яркую картину последствий казанских вторжений оставил непосредственный свидетель описанных им событий, безымянный Казанский летописец, который отмечал более разорительный характер частых казанских вторжений, нежели Батыево нашествие. «И много крови проливающе ово же казанцев, ово же наипаче руския болши. Овогда мало державнии наши побеждаху казанцев, ово же сами от них болши сугубо побеждаеми бываху, никоего же зла могуще сотворити агаряном, внуком измаиловым, но сами паче множае безделны посрамлены возвращахуся от них», – писал он⁷¹.

Напротив, эти же годы были наиболее успешными для Казанского ханства в войне с Русским государством. Казанские отряды нападали на русские земли и почти беспрепятственно грабили селения и деревни, угоняли в рабство толпы русских, которых с

выгодой продавали на восточных невольничьих рынках. Это приносило значительный доход крымской знати и их сторонникам из казанцев. Безнаказанность и манящая легкость обогащения увлекла значительную часть татар и луговых марийцев, которые принимали активное участие в набегах. Вторжения на русские земли объявлялись в Казани и во всем мусульманском мире священной борьбой с неверными – газаватом. Имя Сафа-Гирея возвеличивалось, его называли «алгазыем», т.е. великим воителем, борцом за веру⁷². С восторгом об успехах Сафа-Гирея в деле борьбы с неверными писали современники астраханский поэт Ходжа Тархани Шерифи и турецкий хронист Дженнаби⁷³. Казанский поэт Мухамедьяр (1497–1549) в поэме «Нур-и-содур» («Свет сердца») с похвалой отзывался о газавате⁷⁴. Сафа-Гирей выступал защитником ислама и независимости страны, что до поры обеспечивало ему популярность и поддержку у казанского населения. Внешнеполитические успехи снимали внутренние противоречия.

В 1545 г. повзрослевший великий князь Иван IV взял бразды правления государством в свои руки. Казнив нескольких бояр, он проявил свой крутой нрав и поставил преграду ослаблявшему страну боярскому самоуправству. Одним из первых самостоятельных действий 14-летнего российского правителя стала организация похода против Казани. 2 апреля 1545 г. по Волге, Вятке и Каме на Казань были направлены судовые рати⁷⁵. Продолжительные казанские вторжения в русские земли являлись достаточным основанием для ответных действий. В столице ханства уже успели позабыть о том времени, когда русские войска подходили к городу, поэтому атака с реки стала неожиданностью. Русские «людей казанских многих побили и кабаки царицы пожгли»⁷⁶. Казанский

летописец пишет, что воеводы «шед повоеваше многия казанския области, кровью наполниша черемиския поля и земли варварския побитыми мертвецы, а Казань град мимо идоша, неподалече, токмо силу свою показаша казанцем, не приступающе ко граду». По его мнению, «велми было мощно тогда невеликим трудом Казань взяти; пришли бо воеводы неведомо в землю казанскую, а во граде бе мало людей: все велможи разъехашася по селом гуляти з женами и з детми, и царя во граде не бе. Обретоша его на поле со птицами ловящъ и со псы, впросте, в мале дружине». Много казанцев также было побито возле города и по рекам Волге, Свияге, Вятке и Каме. По свидетельству Казанского летописца, в результате нападения казанцы потеряли 3000 человек убитыми⁷⁷. Однако в целом успех был незначительным, а с учетом того, что татарам удалось разбить запоздавший отряд пермичей, даже сомнительным. Тем не менее, для судьбы ханства он имел самые драматические последствия. Неожиданное нападение подозрительный хан посчитал результатом предательства казанцев, ранее находившихся к нему в оппозиции. Сафа-Гирей не доверял казанцам и старался опираться в правлении на свое крымское окружение. Противоречия между казанцами и крымцами обострились. Летопись об этом сообщает так: «И оттоле нача рознь быти во Казани: царь почал на князей неверку держати; и они поехали многие ис Казани к великому князю, а иные по иным землям»⁷⁸.

Еще в 1536 г. началось бегство из Казани представителей оппозиции. В октябре от имени Ивана IV в Ногайскую Орду была послана грамота казанскому князю Черкесу, в которой он и иные выехавшие из Казани князья, мурзы и казаки приглашались на службу к великому князю⁷⁹. Отъезжающий в июне 1536 г. в Литву посол

Иван Тарасов получил наказ говорить о том, что казанские «ныне князи и мурзы многие ко государю нашему едут; перед моим поездом на Москву приехали Шабаз князь Япанчин и брат его Шабаат Казымов сын, брат его Чекай мурза, Кучюен Карачев, Ивашка Шарвархозин, Евлуш Чингилдеев и многие князи и мырзы»⁸⁰. В мае 1541 г. «Булат князь и вся земля Казанская» тайно прислали в Москву своих представителей. Они просили направить к Казани войска и обещали убить или арестовать хана, как только русские рати появятся у стен города. Посланцы жаловались боярам: «а от царя ныне казанским людем вельми тяжко, у многих князей ясаки поотнимал да крымцом подавал; а земским людем великая продажа; копит казну да в Крым посылает»⁸¹. Факты отправления крымцами своих доходов из Казани в Крым известны и ранее, например, в 1521 г.⁸². Это показывает, что крымцы не собирались навсегда осесть в Казанском ханстве и использовали свое пребывание там для максимального обогащения посредством эксплуатации казанского населения и ограбления русских земель.

Некоторые историки изображают Сафа-Гирея настоящим патриотом, стремившимся «проводить политику, независимую как от Москвы, так и от Крыма», утверждают, что он будто бы вместе с Сююмбике пытался создать в противовес московской и крымской казанскую партию⁸³. Однако имеются свидетельства, указывающие, что Сафа-Гирей и его крымское окружение преследовали исключительно меркантильные интересы. Казанский летописец пишет о Сафа-Гирее, «что он приемляше свояземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устрояше, и богатыше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев, любяше и брежаше их паче казанцев»⁸⁴. Ногайский князь Юсуф в

1549 г. писал в Москву о Сафа-Гирее, что он «привел многих нагих и голодных людей крымцов. Да почал над казанскими людьми насильство чинити»⁸⁵. Об этом же писали в июле 1551 г. русскому царю ногайские мурзы: Сафа-Гирей «над казанскими людьми учал насильство делати. У ково отца не стало, и он отцова доходу не давал. А у ково брата болшова не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал. А и с тобою долго завоеався жил. И тех его дел казанские люди и князи не могли терпети...»⁸⁶ Поэт Мухамедьяр, крайне озабоченный усилившимся в стране засильем крымцев и ухудшением положения казанцев, неурядицами и междоусобием в Казани, писал:

Неверие не разрушит государство,
А от гнета развалится страна,
Неверие и неверующий лишь
себе вредят,
А гнет состояние страны делает
невыносимым⁸⁷.

Вряд ли допустимо говорить и о финансовой или налоговой реформе, будто бы проводимой Сафа-Гиреем, потому что в источниках сообщается о передаче ясаков крымцам, а не о централизации сбора налогов. Можно согласиться с С.Х.Алишевым в том, что хан «мало интересовался самой Казанью и жизнью казанцев»⁸⁸.

Нежелание далее терпеть авантюристический режим крымского правительства Сафа-Гирея подтолкнуло казанских феодалов к осознанию необходимости переговоров с Россией. 29 июля 1545 г. влиятельные казанские князья Кадыш и Чюра Нарыков обратились в Москву с просьбой прислать рать для поддержки готовящегося переворота. Русские пообещали поддержать заговорщиков⁸⁹.

Переворот произошел в начале января 1546 г., вылившись в поистине всенародное антикрымское восстание. Автор «Казанской истории» так опи-

сал произошедшее событие: «Воста в Казани в вельможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившихся болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша»⁹⁰. В ходе переворота многие крымцы были перебиты⁹¹.

Покинув Казань, Сафа-Гирей встретился с астраханским послом Мансырь сеитом, едущим к нему в Казань, и вместе с ним уехал в Астрахань. Обратившись за помощью к астраханскому хану, Сафа-Гирей вскоре ее получил и с астраханским войском пришел под Казань. Сафа-Гирей ожидал, что «князи и лутчие люди его похотят», но из «казанских князей и лутчих людей никто к Сафа-Кирею царю не пошел». Два месяца изгнанный хан пытался взять город, однако без осадной техники «единою стрелою» ничего сделать не смог. «Землю повоева и поплени», Сафа-Гирей вынужден был уйти в Ногайскую Орду к своему тестю князю Юсуфу⁹².

Но и единству казанцев сразу же пришел конец, как только стал обсуждаться вопрос о кандидатуре нового хана. По словам Казанского летописца, «ови же хотяще в Крым послати по царевича, овии же за турскаго заложитися хотят, да брежет их и пришлет им своего царя; овии же заложитися хотяще за московскаго царя, но боятся мщениа от него о старом преступление; овии же старого царя, согнаннаго Сапкирея, из Нагаи привести его, и того бояхуся: мало его не убили»⁹³. Мы видим достаточно четкое разделение казанцев на две партии – московскую и восточную, преимущественно крымскую. Как таковой турецкой партии не было, но протурецкие настроения существовали. Возобладало мнение в пользу повторного приглашения на ханство Шах-Али. Это ясно

свидетельствует о том, что казанцы осознавали необходимость нормализации отношений с Россией. Население устало от бесконечной войны и желало установления мира со своим главным соседом: «И встужиша казанцы от частых воинах, находящих на них...»⁹⁴. Однако, учитывая предыдущий опыт, казанцы решили максимально ограничить его власть и русское влияние. Когда 13 июня 1546 г. Шах-Али в сопровождении касимовских татар и тысячного русского отряда во главе с князем Д.Ф.Бельским прибыл к Казани, ему разрешили оставить при себе только сотню приближенных. Бельский вместе с русскими и касимовскими воинами был размещен на посаде и лишен возможности общения с ханом.

Второе ханствование Шах-Али Казанский летописец сравнивает с пленением, подчеркивая, что он был в Казани «не яко царь, но яко пленник, изыман и крепко брегем». Шах-Али не имел реальной власти, не мог опираться на воинский контингент и не пользовался авторитетом среди казанцев. При нем противоречия между различными группами казанцев не только не прекратились, но и усилились. Казанцы не скрывали своего презрения к хану и несколько раз даже порывались убить его. Лишь заступничество эмира Чюры Нарыкова спасло Шах-Али от неминуемой расправы. Проханствовав всего месяц, под угрозой заговора, Шах-Али с помощью Чюры Нарыкова бежал в Россию, убив перед этим 20 наиболее ненавистных ему казанских вельмож, еще 20 взял с собой заложниками. Действия Чюры Нарыкова Казанский летописец объясняет нежеланием из-за убийства московского ставленника вновь ввергать страну в кровавый водоворот войны с Россией. Коварная расправа, учиненная Шах-Али, и его тайное бегство настолько возмутили

казанское общество, что все явные или мнимые сторонники московской партии подверглись преследованиям и казни. «И много избышка между собою неповинных», — замечает Казанский летописец по этому поводу. Дело дошло даже до вооруженных столкновений. При попытке бегства в Россию был задержан и уничтожен отряд Чюры Нарыкова, а сам он казнен⁹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПДРВ. — СПб., 1791. — Ч. 7. — С. 267.
- ² *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. — М.; Л., 1950. — Т. 5. — С. 13.
- ³ РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Кн. № 8. — Л. 475.
- ⁴ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 57; *Татищев В.Н.* Указ. соч. — С. 131, 135.
- ⁵ РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Кн. 7. — Л. 69 об. — 70.
- ⁶ *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России: Сб. ст. — М., 2002. — Вып. 6. — С. 122, 149–150.
- ⁷ Документы по истории Удмуртии... — С. 350.
- ⁸ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. — С. 603.
- ⁹ РК. 1475–1605 гг. — Т. 1. Ч. 2. — С. 264.
- ¹⁰ *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... — С. 286.
- ¹¹ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 88, 100, 106; XX. Ч. 2. — С. 436; Т. XXVIII. — С. 62; Т. XXIX. — С. 23; КИ. — С. 72; Сб. РИО. — Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. — СПб., 1887. — Ч. 2. 1533–1560 гг. — С. 40; *Татищев В.Н.* Указ. соч. — С. 144.
- ¹² ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 100–101, 425; Т. XXIX. — С. 20.
- ¹³ *Татищев В.Н.* Указ. соч. — С. 140.
- ¹⁴ ПСРЛ. — Т. XXVIII. — С. 62.
- ¹⁵ ПСРЛ. — Т. VIII. — С. 291; Т. XIII. — С. 88–89; 105–106; Т. XX. Ч. 2. — С. 435–436; Т. XXIX. — С. 23; *Татищев В.Н.* Указ. соч. — С. 144; Царственная книга, т.е. летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 г. до 7061 г. (Далее: ЦК). — СПб., 1769. — С. 59; РК. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. — С. 259–260.
- ¹⁶ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 106–107; Т. XX. Ч. 2. — С. 436; Т. XXIX. — С. 24; РК. 1475–1605 гг. — Т. 1. Ч. 2. — С. 260.
- ¹⁷ ПСРЛ. — Т. VIII. — С. 7, 291; Т. XIII. — С. 89, 106–107; Т. XX. Ч. 2. — С. 436; Т. XXIX. — С. 24; ЦК. — С. 59.
- ¹⁸ ПСРЛ. — Т. VIII. — С. 7, 291–292; Т. XIII. — С. 90; Т. XX. Ч. 2. — С. 440; Т. XXIX. — С. 27; РК. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. — С. 270; ДРВ. — М., 1791. — Ч. 17. — С. 114; *Татищев В.Н.* Указ. соч. — С. 144.
- ¹⁹ Сб. РИО. Т. 59. — С. 26.
- ²⁰ Там же. — С. 40.
- ²¹ Там же. — С. 54, 116–117; РГАДА. — Ф. 123. Сношения России с Крымом. — Кн. № 8. — Л. 267 об. — 268, 298–298 об.
- ²² Сб. РИО. — Т. 59. — С. 136–137, 179–180.
- ²³ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 116; XX, Ч. 2. — С. 441–442; Т. XXVI. — С. 317, 322; Т. XXIX. — С. 28.
- ²⁴ ПСРЛ. — Т. XXII. Ч. 1. — С. 524; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... — С. 288.
- ²⁵ ДРВ. — М., 1791. — Ч. 18. — С. 85.
- ²⁶ ПСРЛ. — Т. XXXI. — С. 129.
- ²⁷ ПСРЛ. — Т. IV. — С. 302.
- ²⁸ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. — С. 603.
- ²⁹ *Верюжский И.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. — М., 1993. — С. 256–259; *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–

1549 гг.) – С. 230–231; *Лопарев Х.* Житие преподобнаго Стефана Комельского // Памятники древней письменности. – СПб., 1892. – Т. 85. – С. 16; *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 308–309; Жития русских святых. – Коломна, 1993. – Кн. 2. – С. 210, 387; *Миней-Четьи.* Июль. – М., 1875. – Л. 152–152 об.

³⁰ ПСРЛ. – Т. XXIV. – С. 318, 324.

³¹ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 268–270, 284, 291–293, 295.

³² Там же. – С. 271–272.

³³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 121; Т. XXIX. – С. 31.

³⁴ РГАДА. – Ф. 123. Сношения России с Крымом. – Кн. № 8. – Л. 419 об. – 421 об.

³⁵ Там же. – Л. 423 об. – 424.

³⁶ Там же. – Л. 535–536.

³⁷ Там же. – Л. 600.

³⁸ *Ермушев А.М.* Военная и дипломатическая борьба России за безопасность восточных границ в 1538–1545 гг. // История, образование и культура народов Среднего Поволжья. – Саранск, 1997. – С. 24.

³⁹ *Панова Т.Д., Пежемский Д.* Отравили! // Родина. – М., 2004. – № 12. – С. 26–31; *Панова Т.Д., Самойлова Т.Е.* Усыпальница царя Ивана Грозного. – М., 2004. – С. 35.

⁴⁰ РГАДА. – Ф. 123. Сношения России с Крымом. – Кн. 8. – Л. 643.

⁴¹ Там же. – Л. 594–594 об., 616 об. – 617.

⁴² *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 311, 326, 603.

⁴³ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 281–282.

⁴⁴ ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 524; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 284; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 288.

⁴⁵ ПСРЛ. – Т. XIV. – М., 1965. – С. 135; Т. XX, Ч. 2. – С. 455–456; Т. XXII. Ч. 1. – С. 38–39; ДРВ. – Т. 17. – С. 126–127; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 290; РГАДА. – Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии. №7738.

⁴⁶ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. – С. 265.

⁴⁷ ПСРЛ. – Т. XXVII. – С. 142; Т. XXIX. – С. 130; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Далее: РГБ ОР). – Ф. 236. Попова А.Н. (Музейный), № 6 (2399), Хронограф XVII в. – Л. 387.

⁴⁸ ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 521; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 289.

⁴⁹ *Титов А.А.* Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку XIII–XX вв. – М., 1903. – С. 5; *Спицын А.А.* Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. – Вятка, 1883. – С. 35.

⁵⁰ ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 525; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 289.

⁵¹ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 311; Сб. РИО. – Т. 59. – С. 239.

⁵² ПСРЛ. – Т. XXII. Ч. 1. – С. 525; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 290.

⁵³ *Шерифи Х.Т.* Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань, 1995, май. – С. 87.

⁵⁴ Послание царя казанского // Там же. 1997. № 1/2. – С. 26–38.

⁵⁵ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 310.

⁵⁶ Сб. РИО. – Т. 59. – С. 26, 39–40, 54, 116–117, 136–137, 239.

⁵⁷ КИ. – С. 86.

⁵⁸ *Герберштейн С.* Указ. соч. – С. 162.

⁵⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб., 1906. – С. 364.

⁶⁰ *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (Далее: ЧОИДР). – М., 1865. – Кн. 4. – С. 44.

⁶¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. – С. 350; *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 308–309, 311, 326, 603; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 221, 232, 246, 259–260, 270, 281–282, 284, 290–291; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 144; ПСРЛ. – Т. IV. – С. 302; Т. VIII. – С. 7, 291–292; Т. XIII. – С. 88–90, 105–107, 116; Т. XIV. – С. 135; Т. XX,

Ч. 2. – С. 435–436, 440–442, 455–456; Т. XXII. Ч. 1. – С. 38–39, 521, 524, 525; Т. XXIV. – С. 318, 324; Т. XXVI. – С. 317, 322; Т. XXVII. – С. 142; Т. XXVIII. – С. 62; Т. XXIX. – С. 23–24, 27–28, 38–39; Т. XXXI. – С. 129–130; ДРВ. – Ч. 17. – С. 114–115, 126–127; Ч. 18. – С. 85; *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа... – С. 288–290; *Верюжский И.* Указ. соч. – С. 83, 256–259, 386, 454, 466; *Лопарев Х.* Указ. соч. – С. 16; Жития русских святых. – Кн. 2. – С. 210, 387; Минеи-Четьи. Июль. – Л. 152–152 об.; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. – С. 265. РГБ ОР. – Ф. 236 Попова А.Н. (Музейный), № 6 (2399). – Хронограф XVII в. – Л. 387; *Титов А.А.* Указ. соч. – С. 5; *Спицын А.А.* Указ. соч. – С. 35.

⁶² *Верещагин А.С.* Повесть о Николае Великорецком // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Вятка, 1905. – Вып. 4. Отд. 2. – С. 40.

⁶³ Цит. по: *Каштанов С.М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. // Из истории Татарии. Ученые записки Казанского государственного педагогического института. – Казань, 1970. – Вып. 80, Сб. 4. – С. 183.

⁶⁴ *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. – С. 310.

⁶⁵ КИ. – С. 72–73.

⁶⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 129; См. также: КИ. – С. 74.

⁶⁷ ДРВ. – Ч. 17. – С. 123–124.

⁶⁸ Послания Ивана Грозного. – М.; Л., 1951. – С. 47, 316.

⁶⁹ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 8.

⁷⁰ ПСРЛ. – Т. XIV. – С. 3.

⁷¹ КИ. – С. 75–77.

⁷² *Алишев С.Х.* Исторические судьбы... – С. 53–54.

⁷³ *Шерифи Х.Т.* Указ. соч. – С. 87–89.

⁷⁴ *Амирханов Р.М.* Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII – середина XVI вв.). – Казань, 1993. – Кн. 2. – С. 91.

⁷⁵ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 2. – С. 316–317; КИ. – С. 83–84.

⁷⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 146–147, 445–446; Т. XX. Ч. 2. – С. 464–465; Т. XXII. Ч. 1. – С. 525; Т. XXIX. – С. 46; ЦК. – С. 117–118; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 158.

⁷⁷ КИ. – С. 84.

⁷⁸ Там же. – С. 147, 445–446; Т. XXIX. – С. 46; ЦК. – С. 117–118.

⁷⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 189.

⁸⁰ Сб. РИО. Т. 59. – С. 40; О переходе князя Шабазы на русскую службу см. также: РГАДА. – Ф. 123. Сношения России с Крымом. – Кн. № 8. – Л. 609–610, 621–622, 659 об.

⁸¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 99; Т. XXIX. – С. 135; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 148; ЦК. – С. 78.

⁸² РГАДА. – Ф. 89. Сношения России с Турцией. – Кн. № 1. – Л. 194 об.

⁸³ *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000. – С. 117; История Татарстана: Учебное пособие для основной школы. – Казань, 2001. – С. 100.

⁸⁴ КИ. – С. 78.

⁸⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – С. 293.

⁸⁶ ПДРВ. – СПб., 1793. – Ч. 8. – С. 271.

⁸⁷ *Абилов Ш.Ш.* Идеи социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли. – Казань, 1979. – С. 60.

⁸⁸ *Алишев С.Х.* Казань и Москва. – С. 80.

⁸⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 446.

⁹⁰ КИ. – С. 78.

⁹¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 148, 447; Т. XXIX. – С. 47; ЦК. – С. 120.

⁹² РГАДА. – Ф. 123. Сношения России с Крымом. – Кн. № 9. – Л. 27 об.; ПДРВ. – Ч. 8. – С. 271–272.

⁹³ КИ. – С. 78.

⁹⁴ КИ. – С. 78.

⁹⁵ КИ. – С. 80–82.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения в XV – первой половине XVI в. Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, мари́йцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.